

УДК 811.161.1'36
ББК 81.411.2-212

ЛЕКСИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ И МЕНТАЛЬНОСТЬ¹

А.Л. Шарандин

Материалы статьи являются фрагментом исследования, посвященного рассмотрению проблемы языковой категоризации времени в целом. Выявлена специфика лексической категоризации времени и ее связь с ментальностью человека. Показаны особенности реализации представлений человека о времени в лексической семантике существительных и наречий.

Ключевые слова: *концептуализация, ментальность, лексическая категоризация, наречная временная лексика, субстантивная временная лексика, функции лексической категоризации.*

Посвящается светлой памяти профессора Волгоградского государственного университета Софии Петровны Лопушанской.

Известно, что слово, будучи языковым знаком, отражает реализацию и сознания как такового, связанного с освоением действительности, и языкового сознания, связанного с различными формами вербализации действительности. При этом языковое сознание позволяет систематизировать результаты называния (обозначения) и функционирования слова в плане категоризирующей функции языка, что дает возможность моделирования речемыслительной деятельности человека и классификации лексических единиц и их форм с целью представления процесса номинации в целом, а также тех языковых знаний, которые обусловлены осмыслением этого процесса и его единиц в классификационном и когнитивно-дискурсивном плане.

Наиболее показательными, с точки зрения справедливости утверждений о связи языковых категорий и их форм с ментальностью человека, с отражением эволюционных процессов в его сознании и мышлении, являются лексические и грамматические категории, онтологическая значимость и объективность которых определяется прежде всего существова-

нием и природой самого языка как определенной семиотической системы. По мнению Л. Талми, «язык, являясь когнитивной системой, имеет две подсистемы, выполняющие дополнительные функции: обеспечение концептуального содержания и определение концептуальной структуры» [12, с. 114]. В качестве подсистемы, обеспечивающей определение концептуальной структуры, выступает грамматика, а в качестве подсистемы, обеспечивающей концептуальное содержание, выступает лексика, представленная прежде всего теми или иными лексическими категориями.

В отличие от грамматических категорий, онтологическая сущность которых признается большинством лингвистов, статус лексических категорий определяется исследователями менее однозначно. По мнению Н.Н. Болдырева, лексические и грамматические категории связаны с разными аспектами языка – гносеологическим и онтологическим. Их разграничение определяется необходимостью осмысления природы языка и бытия. «Лексическая категоризация представляет собой языковой аналог категоризации естественных объектов и объектов внутреннего мира человека. В ней реализуется гносеологическая функция языка. Грамматическая категоризация отражает онтологию самого языка, деление на естественные для языка категории, обеспечивающие его существование как определенной семиологической системы и выполнение возложенных на него функций» [1, с. 10].

В этих рассуждениях Н.Н. Болдырева, на наш взгляд, усматривается указание на необходимость учитывать разграничение онтологии мира как такового, как представленного бытием, и онтологии языка как одного из естественных объектов этого мира (бытия). Включая язык в состав естественных объектов действительности (бытия), мы, конечно, имеем в виду его специфичность по сравнению с собственно естественными объектами действительности. Специфичность проявляется в том, что язык не есть вещь, язык не является физическим объектом, подобно собственно естественным объектам бытия. Любая языковая единица предполагает процесс, связанный с деятельностью субъекта. В частности, языковое знакообразование, представленное словопорождением, предполагает процесс обозначения словом того или иного объекта действительности. Этот процесс, естественно, обусловлен определенными механизмами нашей ментальной деятельности, которые задают направления приписывания значения и его означивания в семантической структуре слова. В связи с тем, что только благодаря языку бытие может быть понято человеком, закономерно возникает вопрос о характере семантики, которая репрезентирует сознание в языке: какая семантика отражает бытие, если так можно выразиться, напрямую, непосредственно, а какая – является отражением в слове языковой деятельности, то есть оказывается собственно языковой, имеет интерпретационный характер.

С этой точки зрения лексические значения, отражающие предметы и явления окружающего мира, оказываются его репрезентантами, имеющими аналоговую форму, содержание которой связано с представлениями и понятиями об этих предметах и явлениях действительности. Лексические значения, будучи аналогами естественных объектов, находятся как бы за пределами языка, за пределами слова как языковой единицы. Здесь, вероятно, уместно привести замечание Г.В. Колшанского о том, что отношение слова к предмету есть не значение этого слова, а лишь факт номинации – обозначения; значение же слова определяется сигнификатом [6, с. 112]. В принципе это высказывание отражает позицию тех исследователей, которые признают

односторонность языкового знака, выводя его содержание за пределы знаковой структуры.

На наш взгляд, необходимо помнить, что, как принято говорить, есть *слово* и *слово*. Есть *слово* как своего рода аналог того объекта действительности, обозначением которого оно является, и есть *слово* как единица языка, включенная в коммуникативный процесс.

В этом плане показательным отношением исследователей к статусу такого лексического объединения, как тематическая группа. Они отмечают экстралингвистическую направленность ее содержания и считают, что слова в ней оказываются своего рода «слепоками», «фотографиями» тех или иных фрагментов действительности. Так, по мнению З.К. Тарланова, «тематические группы слов характеризуют уровень познавательной деятельности народа: что ему известно и отразилось в его языке и что неизвестно, и, следовательно... тематические группы слов – это объединения слов на основе классификации обозначаемых ими предметов и явлений» [13, с. 61]. Например, лексический состав тематической группы «Части человеческого тела» обусловлен физиологической организацией человека, строением его тела, и собственно языковых закономерностей, позволяющих описать связи между словами в тематической группе, по существу, нет. Как отмечает Е.Е. Котцова, «состав тематической группы задается не общим языковым значением, а самой реальной действительностью, объективными отношениями между ее явлениями (денотатами), то есть во многом определяется привходящими внеязыковыми, экстралингвистическими, факторами» [8, с. 96].

С другой стороны, лексические обозначения, передавая знание о действительности, оказываются способом трансляции, имеющим языковой характер, поскольку они включаются в коммуникативный процесс, осуществляемый когнитивно-дискурсивным способом. Именно включение в коммуникацию, представленную уже речемыслительными единицами (разными типами высказываний), в которых слово как номинативное обозначение предметов и явлений действительности получает сигнификативное значение, позволяет слову в качестве номинативного знака реализовать свои функциональные речевые возможности, изме-

нить статус знака вообще на статус языкового знака как единицы общения. Такое изменение статуса слова сопровождается соотносительностью языковой формы и значения, то есть слово становится единицей языка как коммуникативной знаковой системы. С этой точки зрения примечательна позиция В.В. Виноградова, который писал: «Слова, взятые вне системы языка в целом, лишь в их отношении к вещам и явлениям действительности, служат различными знаками, названиями этих явлений действительности, отраженных в общественном сознании. Рассматриваемые только под этим углом зрения слова, в сущности, еще лишены соотносительности языковых форм и значений. Они сближаются друг с другом фонетически, но не связаны ни грамматически, ни семантически» [3, с. 16].

В результате перед нами самая настоящая антиномия. С одной стороны, лексические обозначения (называния) не есть собственно языковые значения, поскольку представляют собой аналоговую репрезентацию действительности, когда сознание человека направлено на фонетическое (звуковое) оформление названий (ср.: «На “духе” с самого начала лежит проклятие – быть “отягощенным” материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков – словом, в виде языка» [9, с. 29]). С другой стороны, лексические обозначения (называния) являются языковыми номинациями предметов и явлений действительности, представляя собой концептуальное содержание, неразрывно связанное с грамматическим оформлением (концептуальной структурой) языкового знака, которое они получают в коммуникации, где сознание человека направлено на использование слова для передачи сообщения в рамках такой речевой (дискурсивной) единицы, как высказывание, имеющей предикативную структуру, что приводит в итоге к его оформлению как когнитивно-дискурсивной единицы языка.

Таким образом, лексическая единица оказывается единством когниции (сознания), номинации (обозначения) и речевой деятельности (коммуникации). Причем когниция, представленная теми или иными ментальными структурами, в отношении к номинации использует фонетические (звуковые) механизмы оформления мыслительного содержания, тогда как в

отношении к речевой деятельности реализует дискурсивные (морфолого-синтаксические) способы оформления мыслительного содержания. В первом случае это содержание не есть еще собственно языковое значение слова, оно в большей степени логическое, а во втором – мыслительное содержание может рассматриваться как собственно языковое значение, как собственно лексическое значение, обусловленное включением в коммуникативный процесс. Вот почему многозначность слова – это, скорее, результат речевой деятельности, это «органическое качество естественных языков, позволяющее им служить в качестве первичной универсальной основы обобщающе-абстрагирующего человеческого сознания» [10, с. 223]. С точки же зрения теории обозначений предметов и реалий действительности, то есть знаковой теории, знак не может быть многозначным. Однако, как отмечает М.И. Задорожный, «действительность безгранична, возможности же памяти ограничены. И если бы в кодовом устройстве языка каждому явлению действительности соответствовала отдельная инвентарная единица, он превратился бы в бесконечный и бессистемный набор этикеток, удержать который ни одно естественное запоминающее устройство было бы не в состоянии» [5, с. 9].

Лексическая категоризация времени предстает, прежде всего, в тематических группах существительных и наречий. При этом важно отметить принципиально различное назначение лексического состава этих групп с точки зрения их участия в категоризации действительности. Для субстантивных образований значение времени, по существу, не является первичным в частеречном содержании, поскольку первичным значением для существительного как отражательной категории является значение субстанции (предмета), существование которой в пространстве определяется временем: предметы существуют в пространстве и во времени. Другими словами, время и пространство есть формы существования материи (субстанции). Как отмечает Г.В. Колшанский, «пространственно-временное ориентирование человека есть практически физический закон существования любого объекта, и естественно, что речевая деятельность человека должна выражать во всех видах коммуникации временное и про-

странственное существование предметов и фактов» [7, с. 90]. Именно это отражение пространственно-временных отношений присуще наречию как части речи, которая систематизирует различные способы представления, в данном случае временные, по отношению к предметам и объектам действительности в их связи с различными процессами, характеризующими положение предметов и объектов действительности в пространстве и во времени и выраженными в языке прежде всего посредством глаголов-предикатов. Поскольку речемыслительная деятельность человека связана не только с непосредственным отражением предметов и явлений окружающего мира, но и с представлением их номинаций в форме различных частей речи, то субстантивное оформление позволяет представить время как предметную мыслительную категорию, относительно которой возможна та или иная предикация с целью нейтрализации конкретных временных способов протекания процесса. По мнению В.Г. Руделева и О.А. Руделевой, «темпоральных существительных в русском языке нет как таковых; заимствуя субстантивные падежные формы, темпоральные наречия становятся субстантивами только по форме, а в некоторых падежах они словно образуют свои независимые формы, конгруэнтные субстантивному» [11, с. 19]. Однако большинство лингвистов выделяют темпоральные существительные как самостоятельный класс слов наряду с классом наречных слов с темпоральным значением, отмечая порой различия между ними в языковом статусе. Так, по мнению М.В. Всеволодовой, «в отличие от именной темпоральности – категории лексико-грамматической, наречная темпоральность – система лексическая», которая насчитывает в русском языке, согласно приведенным данным Ф.И. Панкова, около пяти-шести темпоральных наречий [4, с. 117].

На наш взгляд, лексическое значение времени в грамматической форме существительного позволяет осмысливать время как некий субъект (объект) действительности, интерпретировать время в качестве такого бытия, которое также может существовать во времени, то есть как «время во времени» – ср.: *Не думай о секундах свысока // Наступит время, сам поймешь, наверное // Свис-*

тят они, как пули у виска // Мгновения, мгновения, мгновения (Р. Рождественский).

Другими словами, есть своего рода «время бытия», когда восприятие времени оказывается связанным с существованием предметов и явлений во времени в тех или иных ситуациях. По отношению к ним человек использует точку отсчета – момент речи. Такое восприятие времени, в частности, концептуализируется в грамматике и находит категориальное выражение в грамматических формах глагола. В лексической категоризации времени, представленной субстантивными образованиями, мы имеем, по-видимому, «бытие времени», позволяющее воспринимать время в качестве самостоятельного объекта окружающего мира, что обуславливает включение того или иного временного объекта в ситуацию, имеющую для человека событийный характер. Особенно наглядно представлено восприятие «бытия времени» в поэзии, при художественном осмыслении действительности: *Ты, время, дряхлою рукою // Свои часы останови!* (Я. Полонский); *О, дайте вечность мне, – и вечность я отдам // За равнодушие к обидам и годам* (И. Анненский).

Субстантивное оформление лексических временных значений оказывается сферой абстрагирующей функции человеческого сознания, реализация которой находит отражение в характеристиках разных аспектов восприятия и «переживания» времени человеком. Так, Е.С. Яковлева, анализируя с этих позиций слова с семантикой «кратковременность», отмечает, что время в данном случае понимается как качественная категория. «Качественность» времени, по ее мнению, задается событиями, его заполняющими. Именно такое время относится к сфере самосознания человека [15, с. 138]. Рассмотренные Е.С. Яковлевой модели времени на основе семантики слов *минута, секунда, миг, мгновение, момент* позволили прийти к выводу о том, что эти модели задают три различные интерпретации событий на базовом интервале времени: 1) «бытовое», «повседневное» (*минута, секунда*) – бытовое время принадлежит человеку, поддается счету, измерению и проявляется в повседневной его жизни; 2) «исключительное», «надбытовое» (*миг, мгновение*) – события этого времени выведены из круга повседневности: они уни-

кальны, незабываемы, особо значимы (соотносятся с духовной сферой человека); 3) «рациональное», «аналитическое» (*момент*) – время фиксирует стечение обстоятельств и сплетение событий разной природы и масштаба. Наиболее ярко, считает Е.С. Яковлева, особенности показателей разных временных систем проявляются в контексте предикатов «наступления» (*наступила, пришла, приближалась, настанет* и т. д.) [15, с. 138–141].

Идеографическое представление времени в аспекте категоризации мира в виде списка категорий разного уровня и значимости, на основе которых осуществляется концептуализация мира, представлено в проспекте словаря «Концептосфера русского языка: Ключевые концепты и их репрезентация» под редакцией проф. Л.Г. Бабенко (Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 340 с.). Время как базовая лексическая категория включено авторами данного проспекта в отображающую эту естественную категорию и концептуализирующую ее денотативную сферу «Восприятие окружающего мира», где временная лексика систематизирована по шести группам (*счет времени; промежуток времени и единицы измерения времени; периодизация; время относительно момента речи; время по отношению к какому-либо процессу, действию; оценка факта, события, явления относительно времени*), некоторые из них подразделяются на подгруппы (например, последняя включает следующие подгруппы: *медленно / быстро; постоянно / иногда; долго / коротко; синхронно / асинхронно; вовремя / невовремя*).

Не вдаваясь в сопоставительный анализ данного материала в различных словарях, отметим, что в «Большом толковом словаре русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы» под редакцией проф. Л.Г. Бабенко (М. : АСТ-Пресс, 2005. – 864 с.) сфера «Время» представлена 3 группами и 11 подгруппами, а в «Русском семантическом словаре» под редакцией акад. Н.Ю. Шведовой (В 6 т. Т. 3. – М. : Азбуковник, 2003. – 720 с.) лексический класс «Время», репрезентированный абстрактными существительными, включает 38 семантических групп; лексически выраженное время в них отражает номинацию «бытия времени».

Что же касается наречных средств с лексическим значением времени, то они, будучи обстоятельственными членами высказывания, выполняют категоризирующую функцию, выступая в качестве лексических конкретизаторов темпоральных отношений. Как пишет А.В. Бондарко, могут быть выделены два основных типа их функций: 1) функция дополнительной конкретизации тех обобщенных дейктических темпоральных отношений, которые выражаются грамматическими формами времени или имплецируются другими типами предикатов; 2) функция основного обозначения темпоральной отнесенности ситуации в тех случаях, когда предикат не имеет собственной устойчивой темпоральной характеристики [2, с. 53]. При этом, по его мнению, особо необходимо выделить *строго* грамматическую значимость «темпоральной обстоятельственной лексики»: «Лексический показатель при формировании высказывания может “задавать” временной план, требующий определенного выбора временной формы, – той именно, которая по своему временному значению соответствует значению обстоятельственного темпорального показателя. Так, если говорящий начал высказывание с обстоятельства *вчера* ..., то далее он может употребить формы прошедшего времени или формы настоящего времени в функции настоящего исторического» [там же, с. 54]. Поэтому А.В. Бондарко приходит к выводу, что «без лексических средств полная реализация функций выражения времени, адекватная потребностям речевой коммуникации, была бы невозможна» [там же, с. 55]. Тем не менее лексические показатели времени, имеющие конкретизирующий характер по отношению к глагольным формам времени, он относит к периферии поля темпоральности в русском языке, поскольку приоритет в выражении временных отношений отдается грамматическому времени.

Грамматическая категоризация времени была подробно нами рассмотрена в статье «Языковая категоризация времени как отражение русской ментальности», опубликованной в сборнике «Слово в языке и тексте», посвященном 85-летию со дня рождения С.П. Лопушанской. В выводах, в частности, было отмечено, что центральное место в системе языковых средств объективации времени занимают грамматические категории времени синтаксического и морфологи-

ческого типа, которые связаны с восприятием и выражением внешнего времени. При этом они обнаруживают определенную взаимосвязь и взаимодействие с категорией вида, выражающей протекание внутреннего времени. Сущность этого взаимодействия определяется интеграционными связями, которые предполагают согласование внешнего и внутреннего времени в тех или иных формах категорий грамматического времени (синтаксического и морфологического) и категории грамматического вида [14].

В целом же подчеркнем, что репрезентация времени в русской языковой картине мира осуществляется посредством различных языковых средств, отражающих многообразие категоризации времени как формы существования бытия и мира, ее связи с жизнедеятельностью народа и с восприятием человеком временных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ НИР выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (Госконтракт № 16.740.11.0547).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5–22.
2. Бондарко, А. В. Темпоральность / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л. : Наука. Ленингр. отделение, 1990. – С. 5–58.
3. Виноградов, В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1972. – 616 с.

4. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса / М. В. Всеволодова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 501 с.

5. Задорожный, М. И. О границах полисемии и омонимии / М. И. Задорожный. – М. : МГУ, 1971. – 71 с.

6. Колшанский, Г. В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации / Г. В. Колшанский // Языковая номинация (общие вопросы). – М. : Наука, 1977. – С. 99–146.

7. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1990. – 103 с.

8. Котцова, Е. Е. Лексическая семантика в системно-тематическом аспекте / Е. Е. Котцова. – Архангельск : Помор. гос. ун-т, 2002. – 203 с.

9. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс // Сочинения. В 50 т. Т. 3. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1955. – 630 с.

10. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – СПб. : Науч. центр диалога, 1997. – 760 с.

11. Руделева, О. А. Существительное и наречие (на материале русского языка) / О. А. Руделева, В. Г. Руделев // Вестник Воронежского университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2010. – № 2. – С. 17–23.

12. Талми, Л. Отношение грамматики к познанию / Л. Талми // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. – 1999. – № 1. – С. 91–115.

13. Тарланов, З. К. Методы и принципы лингвистического анализа / З. К. Тарланов. – Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1995. – 189 с.

14. Шарандин, А. Л. Языковая категоризация времени как отражение русской ментальности / А. Л. Шарандин // Слово в языке и тексте : сб. ст. к 85-летию со дня рождения Софии Петровны Лопушанской. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2011. – С. 367–383.

15. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 343 с.

LEXICAL CATEGORIZATION OF TIME AND MENTALITY

A.L. Sharandin

The article presents a fragment of the research devoted to the problem of lexical categorization of time in general. Specific features of lexical categorization of time and its connection with human mentality are under study. The discussion centers round the peculiarities of man's ideas of time realization in the lexical semantics of nouns and adverbs.

Key words: *conceptualization, mentality, lexical categorization, adverbial temporal vocabulary, substantive temporal vocabulary, functions of lexical categorization.*